

Критическая география

ЛАНДШАФТОИД – НОВЫЙ ФЕНОМЕН ГЕОГРАФИИ¹

Юлиан Геннадиевич Тютюнник,
доктор географических наук,
профессор кафедры ландшафтной архитектуры
Национальной академии руководящих кадров культуры и искусств
Министерства культуры и туризма Украины
E-mail: carme@univ.kiev.ua

В статье обосновывается понятие ландшафтоида – феномена, рожденного в лоне массовой культуры в конце XX – начале XXI в., и специфичного своей авитальностью и выпадением из исторической традиции. Раскрываются причины его возникновения в ходе деградации духовной культуры и развития массовой культуры; охарактеризованы этапы его формирования. Приводятся примеры образования ландшафтоидов сегодня.

Ключевые слова: ландшафтоид; антиландшафт; поп-ландшафт; технологическое бескультурье; массовая культура; радикальная география.

УДК 911.53:001.895

Понятие *ландшафтоида*² рождается в сфере учения о культурном ландшафте. Однако оно противоположно понятию культурного ландшафта и по своему негативному потенциалу превосходит даже понятие ландшафта акультурного.

Для того чтобы объяснить этот феномен, прежде всего, необходимо определиться с нашим пониманием культуры. В теории культурного ландшафта исследователи нередко идут на хитрость: объясняют, что такое культурный ландшафт и как он возникает, но о том, что ими понимается под культурой, скромно умалчивают. Между тем, ситуация здесь очень далека от ясности, ведь определений культуры существует не меньше ста пятидесяти.

Что понимать под культурой?

Географы, даже наиболее эрудированные – не культурологи и не историки. Поэтому в праве творить самостоятельные дефиниции культуры им следует отказать. (Так же, как следует отказать в праве негеографам давать свои трактовки и определения ландшафта). Каждый должен заниматься своим делом.

В основу используемого в настоящей статье понимания культуры положены взгляды Питирима Соркина, видевшего в ней суть хода самой истории. К ним добавляем психоаналитические трактовки культуры Фрейда и Юнга. Соединяем их с некоторыми положениями этологии и теории информации. В результате (сразу признаём: результате вполне эклектичном) получается примерно следующее.

У культуры в целом есть две относительно независимые составляющие: *материальная* и *духовная*. Материальная культура понимается как прогрессивное приращение кода. Духов-

¹ Основные положения статьи доложены автором 5 декабря 2012 г. на 229-м заседании семинара «Культурный ландшафт» и секции по культурной географии регионального отделения «Московский центр» РГО.

² Впервые термин был употреблён нами в статье [Тютюнник 2010].

ная – как система идеальных моментов и установок, которые биологическую составляющую в человеческом поведении подчиняют социальной.

В биологическом мире существование любого вида обеспечивается перманентным копированием и передачей из поколения в поколение генетического кода, записанного в ДНК последовательностью нуклеотидов в молекулах нуклеиновых кислот. Если происходит мутация, и генетический код, записанный в ДНК, изменяется, инициируется процесс образования нового вида. Однако, существование любого вида (а виды организмов в неизменной форме могут существовать сотни миллионов лет) обеспечивается именно стабильностью генетического кода, передаваемого из поколения в поколение.

В социальном мире эта биологическая закономерность присутствует в полном объёме – но социальный мир не тождествен биологическому. Он потому и социальный, что в нем существуют иные способы записи и передачи кодировок, с геномом никак не связанные. Информация, хранимая каждым конкретным поколением, записывается в идеальных знаковых системах, не имеющих с биологическим способом записи кода ничего общего. Эта информация качественно дополняется текущим поколением и в идеальной форме передаётся следующему поколению, которое в свою очередь проделывает ту же самую операцию. Так повторяется из поколения в поколение. Этот процесс можно называть историей, культурогенезом, антропосоциогенезом, прогрессом – важно, что такое аккумулятивное приращение кода ставит вид *Homo sapiens* в биосфере в особое положение, выводит его из сферы действия сугубо биологических законов и превращает из существа биологического в социальное.

Человек, социализировавшись, не перестаёт в своих действиях (в том числе и социальных) следовать законам биологии. Все высокоорганизованные формы животных организмов имеют особые поведенческие программы – инстинкты, записываемые кодировками нуклеотидов. Человек не свободен и в принципе не может быть свободным от них. Но животные инстинкты человека в историческом процессе проявляют себя двояко. Одни служат его благоприятной биологической подосновой: инстинкт самосохранения, инстинкт продления рода и попечительства, инстинкт альтруизма, исследовательский инстинкт или рефлекс свободы. Большинство биологических поведенческих программ человека поддерживают антропосоциогенез и культурогенез, ложась в основу того, что мы называем историческим прогрессом.

Однако инстинктивному позитиву истории, противостоит один биологический негатив. Всего один, но настолько мощный, что в отдельные исторические периоды на обширных территориях из-за его проявлений может начисто перечёркиваться роль и значение всех позитивных поведенческих программ. Это – инстинкт зоологического индивидуализма, «право сильного», как говорят, «закон джунглей», «закон – тайга». На практике зоологический индивидуализм даёт о себе знать тем, что особи-доминанты группы обеспечивают себе в группе первоочередной и неограниченный доступ к пищевым ресурсам и более благоприятные в экофизиологическом отношении возможности для воспроизведения потомства.

Для того чтобы нейтрализовать проявления зоологического индивидуализма в жизни общества, существует духовная культура. Духовная составляющая культуры тоже зиждется на идеальных кодировках, но, в отличие от материальной составляющей, механизмы кодирования здесь далеко не всегда рациональны. Основа духовной культуры – принципы морали, этики и обычного права, даются декларативно, как некое внелогическое предписание. Одной из первых и наиболее показательных фигур, разработавших приемы нетривиальной иррациональной кодировки в европейской этике, был Сократ, клавший в основу её принципов даймоний (совесть). В Библии к приёму прямого эмоционального декларирования морального предписания прибегает сам Бог (18 Лев. 22, 23). На невозможность рационально решать этические проблемы прямо указывал Софокл (и, что интересно, с этим соглашался географ Геродот). И. Кант, как известно, в трансцендентной данности этической нормы видел *категорический императив*. Из категорического императива вырастает система идеальных балансов и рычагов, сдерживающих проявления зоологического индивидуализма. Формы иррациональной кодировки очень разнообразны: от простых религиозных запретов до неочевидных

и аллегорических формул типа известного высказывания Достоевского о том, что «красота спасёт мир».

Материальная культура, начиная с Олдувайского ущелья и заканчивая Силиконовой долиной, к природным ресурсам и среде обитания всегда подходила утилитарно. Это сопровождалось деградацией среды обитания человека, причём не спорадической, как у других биологических видов, а систематической и целенаправленной. Разрушение среды обитания человеком вследствие усовершенствования техники и технологии шло и продолжает идти по той же схеме прогрессивного приращения кода, что и сам научно-технический прогресс. Некоторые культурологи заметили эту особенность культурогенеза и заявили об имманентной разрушительности культуры. Ландшафтным результатом такой деятельности есть то, что в географии называется *акультурным ландшафтом*.

Между тем в материальную составляющую культурландшафтогенеза активно вмешивается система идеальных рычагов и балансов его духовной составляющей. Разрушающее влияние материальной культуры на среду закономерно, но не облигатно. Через науку и искусство, мораль и право, идеалы справедливости и любви, через народные традиции, религиозные запреты и философские вопрошания человек корректирует культурландшафтогенез. Он делает его креативным и конструктивным; добивается того, чтобы формируемые им ландшафты имели более высокий бонитет, чем исходные природные. Так возникают *культурные ландшафты*.

Конечно, в духовной составляющей культурогенеза и в её ландшафтных «результатах» есть противоречия, например, классовый характер культуры, а, следовательно, и классовый характер многих культурных ландшафтов и их артефактов. В целом культурогенез в его идеальной составляющей выступал как нейтрализующий противовес для издержек и тупиков истории, разворачивающейся как технический и научно-технический прогресс. Человек, руководствуясь нормами этики и эстетики, всегда стремился к тому, чтобы антропогенный ландшафт, в том числе и акультурный, превратить в ландшафт культурный – хотя бы с помощью обычной рекультивации.

Массовая культура и технологическое бескультурье

Описанным выше образом всегда развивались взаимоотношения ландшафта и духовной культуры. Однако с середины XX в. ситуация начала кардинально меняться. К сегодняшнему дню она изменилась настолько, что, духовная составляющая культуры (как бы дико это ни звучало) проявляет по отношению к ландшафту незаурядную агрессивность.

Примерно с середины XX века духовная составляющая культуры, которая до этих пор справлялась со своей миссией идеальных балансов и рычагов сдерживания в человеке зоологического индивидуализма, начала ускоренно эволюционировать в сторону *массовой культуры*.

Исторически она не нова. В качестве одного из первых исторических примеров массовой культуры иногда указывают на так называемую «Библию для бедных» – сильно сокращенное и упрощенное, но ярко иллюстрированное популярное изложение Священного Писания, появившееся в Европе в XIII в. Налицо признаки массовой культуры: суррогатный, примитивный характер; яркое, кричащее, лубочное оформление; доступность для восприятия и понимания малообразованными или вовсе невежественными реципиентами; ориентированность на классы социальных низов. Однако главной, хотя и неочевидной, особенностью массовой культуры была её социальная функция. Она заключается в том, чтобы специфическими художественными и мифопоэтическими средствами внушать эксплуатируемым массам мысль о естественном характере несправедливого социально-экономического мироустройства, о том, что такое состояние неизбежно. Массовая культура призвана отвлекать угнетаемых от «крамольных» мыслей об изменении существующего социально-экономического порядка.

Для выполнения своей исторической миссии массовая культура в минимальной степени нуждается в творчестве и созидании, но в определяющей степени зависит от технических средств воспроизводства и тиражирования. Именно поэтому *первый* ошутимый толчок к своему развитию она получила только, как выразился Маршалл Маклюэн, в «галактике Гуттенберга», то есть в эпоху книгопечатания. *Второй* толчок (его первым заметил Вальтер Беньямин в 1930-х годах) развитие массовой культуры получило с широким распространением фотохимических и радиоэлектронных средств тиражирования. Сила их воздействия на массовое сознание многократно превысила эффекты печатного слова. Она достигла такой степени, что 12 февраля 1949 года в Кито началась массовая паника и бегство из города его жителей, слушавших по радио инсценировку романа Герберта Уэллса «Война миров» – режиссёр, адаптируя фантазию к местным условиям, заставил артистов вещать о нашествии марсиан на эквадорскую столицу.

Третий толчок к развитию массовой культуры – уже в послевоенное время – стал самым настоящим диалектическим переходом количества в качество. Герберт Маркузе в 1964 году писал об этом так: «Новизна сегодняшней ситуации заключается в сглаживании антагонизма между культурой и социальной действительностью путём отторжения оппозиционных, чуждых и трансцендирующих элементов в высокой культуре, благодаря которым она создавала *иное измерение*. Ликвидация *двухмерной культуры* происходит не посредством отрицания и отбрасывания “культурных ценностей”, но посредством их полного встраивания в утвердившийся порядок и их массового воспроизводства и демонстрации» [Маркузе 1994: 73]. В. Беньямин первым заметил, что в искусстве в период «технической воспроизводимости» экспозиционные функции начинают преобладать над культовыми. Г. Маркузе в книге «Одномерный человек» констатирует, что мощь этого «преобладания» достигает такой степени, что духовное начало в культуре, всегда выступавшее гуманистической альтернативой экономическому антигуманизму исторического процесса, теперь органически встраивается в систему классового насилия и начинает выполнять функции, абсолютно несвойственные духовной культуре; скажем резче – убивающие её.

Думаю, нет особой необходимости доказывать, что сегодня – в условиях информационного общества, потребительского сознания, экономики брендов, постмодернистских симулякров – массовая культура выступает как способ тотального подчинения общественного сознания корыстолюбию, властолюбию и себялюбию господствующих классов. Именно они обладают средствами воспроизводства/тиражирования информации и образов – самым мощным и безжалостным оружием, изобретённым человечеством.

Острие этого оружия сегодня направлено на формирование *технологического бескультурья*. По существу, это продолжение того конформизма и элиминирования духовной культуры, о которых писал Маркузе, – но продолжение, доведённое до предела культуры, а, может, уже и перешедшее этот предел.

Простое бескультурье – очень старый способ держать в покорности угнетаемые и эксплуатируемые классы. Технологическое же бескультурье – это нечто большее. С помощью массовой культуры у человека изымается не только способность критически мыслить и анализировать, стремиться к творческому преобразованию мира, к красоте и добродетели – это успешно можно сделать и просто оставив человека в нищете или технически лишив его доступа к информации. Острие технологического бескультурья, не гнушаясь этими традиционными задачами суггестии, направлено всё же на нечто иное – на то, чтобы элиминировать *культуру потребления*, тотализировать потребительское поведение, сформировать и активно поддерживать «хватательные рефлексy» на уровне бессознательного. В конечном счёте, технологическое бескультурье направлено на провоцирование и поддержание в активном состоянии проявлений у человека инстинктов зоологического индивидуализма. С помощью технологического бескультурья экономика корпоративного капитала добивается двух чисто технологических результатов (потому мы и назвали такое бескультурье технологическим). Первый – формирование *тотального рынка* (а рынок суть способ бытия капитала). Второй –

воспитание *абсолютного рабочего*, то есть человека, который для удовлетворения своих потребительских инстинктов и хватательных рефлексов будет согласен на любые условия работы. Такова новейшая форма рабства.

«Ландшафтным результатом» такого «проекта» становится *ландшафтоид*. Любая активность человека как проявление культурогенеза выражается в средопреобразующей и средоформирующей деятельности, т.е. имеет свои «ландшафтные результаты». Имеет их и технологическое бескультурие.

От акультурного ландшафта к ландшафтоиду

Рассмотрим основные особенности процесса формирования ландшафтоидов.

В эмбриональной форме ландшафтоид присутствует в ландшафте *акультурном*. Последний возникает в силу технологической и экономической необходимости, из-за несовершенства технологии материального производства, которое всегда имело, имеет и будет иметь место в обществе. В отдельных же случаях появление акультурного ландшафта провоцируется или усугубляется чисто иррациональными, глубоко субъективными причинами, не имеющими к логике производственного процесса никакого отношения, а берущими свое начало в бескультурии. В погоне за планом или прибылью – то есть в силу жадности – руководитель производства сокращает расходы на содержание и эксплуатацию очистных систем. Главный инженер недостаточно образован и просто не знает о существовании эффективных способов утилизации отходов производства. Вот две типичные ситуации, когда деградация ландшафта усиливается бескультурием. Понятие «пиратского выброса» в ночное время, хорошо известное всем специалистам, работающим в области экологического мониторинга, как нельзя более точно передаёт моральную суть ситуации: вред, наносимый ландшафту, провоцируется жадностью и трусостью.

Другой известной разновидностью антропогенных ландшафтов, в формировании которых принимает активное участие бескультурие, потакающее зоологическому индивидуализму, служат *ландшафты бelligеративные*. Можно сказать, что они возникают в силу исторической необходимости – хотя и это вопрос достаточно спорный. Относить же ландшафты полей сражений к категории культурных решаются далеко не все специалисты-памятниковеды. Каким может быть проявление культуры в местах массовых убийств и разрушений – даже в случае правоты одной из воюющих сторон? Бelligеративные ландшафты – места выхода наружу самых негативных сторон человеческой природы, которые не могут быть нейтрализованы проявлениями героизма и чувством патриотизма. Историческими эти ландшафты могут считаться, культурными – никак нет.

Следующей стадией перехода антропогенного ландшафта к состоянию ландшафтоида будет состояние *культурностных ландшафтов*. Культурностный – это ландшафт, главная социальная функция которого состоит в том, чтобы, во-первых, с помощью географических образов провоцировать у человека потребительские инстинкты; а, во-вторых, самому в форме географического образа служить предметом купли-продажи. Сегодня мы уже хорошо знаем, сколь важен образ для ландшафта. Ландшафт можно даже определить как территориальную целостность, имеющую устойчивый образ. Однако образ – это и один из главных предметов тиражирования и продажи в массовой культуре. Очевидно, куплю-продажу можно активно задействовать и по отношению к образу ландшафта (ландшафту как образу).

В самой простой форме описанный процесс проявляется в насыщении ландшафта коммерческой и политической *рекламой* – по существу, это информационное загрязнение ландшафта. Как и любая другая форма загрязнения, оно снижает его бонитет, а в крайних случаях и разрушает ландшафт. Сама по себе реклама не составляет часть массовой культуры – это чисто экономическое или политическое действие – но она задействует всю мощь квазихудожественных средств и методов массовой культуры.

Ещё в 1947 году Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно с горечью замечали, что «ландшафт становится <...> всего лишь фоном для вывесок и афиш» [Хоркхаймер, Адорно 1997: 204]. Спустя полвека Наоми Кляйн пишет уже о брендинге «мирового ландшафта» [Кляйн 2003: 177], который ставит под вопрос само существование «общественного пространства» [Кляйн 2003: 179]. Разрушающее воздействие рекламы на ландшафт проявляется в том, что последняя призвана будить у человека самые дикие формы потребительского поведения, культивирует в его подсознании хватательные рефлексy, в крайних формах призывает к смерти (реклама табачных и алкогольных изделий) и срывает моральные запреты с проявлений в человеческом характере зоологического индивидуализма. Всё это деструктивное поведенческое «богатство» направляется, в конечном счете, на природную среду, на природные ресурсы, на ландшафт.

Более тонкие механизмы вовлечения ландшафта в массовую культуру можно наблюдать в индустрии *туризма*. Здесь задействуется тот же механизм коммерческой рекламы, но направлен он уже непосредственно на образ ландшафта. Ландшафтный образ как турпродукт гипертрофируется, клишируется, тиражируется и экспонируется. Потребитель «имагинальных ресурсов» (выражение Д. Н. Замятина) воспринимает природную и культурно-историческую среду через рекламный буклет и типовое описание, через картинку-лубок и тривиальный рассказ/нарратив. Ландшафтный образ в сознании потребляющих масс становится ландшафтом-клише, ландшафтом-китчем. Коварная тонкость клиширования ландшафта заключается в том, что здесь его образ не искажается. Ландшафт не портится вредоносной информацией – наоборот, усиленно охраняется от любых форм девастирования, в том числе и с помощью «вывесок и афиш». Ландшафты, имеющие образы такого генезиса, можно уподобить попсе и сценическому шоу-бизнесу и назвать *поп-ландшафтами*.

Рекламным загрязнением и превращением в турпродукт разрушающее воздействие массовой культуры на ландшафт и его образ не ограничивается. Следующая стадия девастирования ландшафта в лоне массовой потребительской культуры – это торговля самим ландшафтом, как таковым. Земля, лес, вода и – как в антиутопиях – даже воздух рассматривались как товар издавна. В данном случае речь не об этом, а о торговле ландшафтами как произведениями искусства архитектуры, градостроительства и ландшафтной архитектуры, причём с одной «маленькой поправкой»: массового искусства. Вовлечённые таким способом в рынок *архитектурные* и *садово-парковые ландшафты* назовем *ландшафтами красотными*.

Искусство архитектуры и градостроительства, ландшафтной архитектуры и дизайна, «омассовляясь», претерпевает кардинальные изменения. В XX век архитектура и градостроительство вошли с триумфом на волне модерна и авангарда, ознаменовались выдающимися шедеврами зодчества и садово-паркового дела. Ничто не предвещало его «заката» к концу столетия. Первый «тревожный звонок» прозвучал в 1930-х годах, когда в странах с тоталитарными режимами начал утверждаться своеобразный стиль, который в СССР получил название неоклассицизма, сталинского ампира, советского классицизма. Тоталитаристская архитектура проявила большую агрессивность по отношению к «золотому фонду» авангардистской архитектуры первой трети XX в., в частности, к конструктивизму в СССР и стилю «баухауз» в Германии. Сама же она ничего нового не предлагала, ограничиваясь копированием эстетики ордера для потребностей новых исторических условий. Тоталитаристская архитектура 1930-х – 1950-х годов дала старт маньеризму, поначалу мало заметному, но к концу XX в. легшему в основу архитектуры постмодерна.

Поиски новых стилей формообразования и художественных средств выражения во второй половине XX в., начиная от возрождения архитектурно-экологических идей Эбенизера Говарда в адгокизме и заканчивая воплощением в стекле и металле текстуализма Жиля Делёза, так и остались достижениями отдельных школ и архитекторов – они не переросли в стилистическое единство. В некоторых направлениях, например, деконструктивизме или де-архитектуре, архитектурно творчество вообще сделало заявку на самоликвидацию. Архитекторы начали говорить не о стилеформировании, а о стилеразрушении современной архитектуры.

Этот декаданс архитектуры конца XX – начала XXI в., её неспособность в исторически значимых масштабах предложить новое художественное видение формы и пространства сегодня соседствуют с исключительной агрессивностью коммерческой застройки по отношению к природе и историко-архитектурной среде населенных мест³.

Множественно возросла традиционная социально-суггестивная функция архитектуры – внушение с помощью архитектурной формы трепета и преклонения перед властью. Архитектура корпоративного капитала пытается нас убедить в незыблемости его устоев и святости «торгашеской» ментальности. Несмотря на всю свою помпезность и амбициозность, архитектура современной власти – в отличие от архитектуры господствующих классов прошлого – не может предложить новых эстетических концепций и оригинальных художественных форм. Её блеск, грандиозность и размах свидетельствуют о нищете духа и вполне укладываются в рамки антиэстетики массовой культуры.

Архитектурный ландшафт «среднего класса» уже открыто превращается в ландшафт массовой культуры, поп-ландшафт. Сегодня типичная застройка более-менее обеспеченного обывателя – это стихия маньеризма, китча, клише. Жителям больших городов архитектурные поп-ландшафты хорошо знакомы по пригородам. Один украинский географ назвал застройку субурбий «винегретной». Архитектурный поп-ландшафт – ещё одна ступенька, ведущая к ландшафтоиду.

Последним на этой своеобразной «лестнице» феноменом среди антропогенных ландшафтов будут так называемые *антиландшафты*. Вводя понятие антиландшафта, В.Л. Каганский пользовался примерами некоторых советских городов. Им было показано, что, несмотря на внешне благополучие, некоторые из *урбанизированных ландшафтов СССР* не только не предназначены для нормальной и полноценной жизни человека, но и существуют ради смерти и благодаря смерти. Так, город Арзамас-16 (ныне – Саров) существовал «за счет производства (страха) атомной смерти» [Каганский 2001: 232]. Антиландшафт, по его образному определению, репрезентирует «невменяемое, самоуничтожающееся пространство» [Каганский 2001: 153]. Антиландшафт – *девитален*; это место, так или иначе предназначенное не для жизни, а для смерти, или же созданное ею.

Это утверждение – не метафора. Аксиома географической науки состоит в том, что характеристической чертой географической оболочки служит её *витальная функция*; вне географической оболочки жизни нет. Поэтому, нечто, внешне подобное ландшафту, но лишённое его витальной функции, логично назвать антиландшафтом.

Биологическая смерть присутствует в любом ландшафте. Однако даже в акультурных и беллигеративных ландшафтах она присутствует как диалектический момент – как естественное окончание любой биологической жизни; как межвидовые отношения хищника и жертвы; как вынужденные боевые действия, в которых одна из сторон права; как резкое геохимическое или геофизическое изменение абиотических компонентов экосистемы. Всякая диалектика отходит на задний план тогда, когда смерть превращается в убийство – запланированное и желанное, явное или скрытое, быстрое или растянутое во времени – но как действие, характерное только для человека.

Места, в которых локализуется убийство, и будут антиландшафтами. Самой показательной их разновидностью выступают *лагерные ландшафты*. Этим термином Ю.П. Гусев обозначил «селитебные ландшафты» гитлеровских концлагерей. Гусев обращает внимание, что в лагерных ландшафтах есть экзистенциально-топологическая инверсия: если жизнь и смерть меняются местами, то выворачивается наизнанку вся экзистенциальная топология человеческого бытия. Например, как показывает исследователь, в лагерных ландшафтах меня-

³ Здесь не лишне будет вспомнить, что ещё в 1980-х годах известный советский теоретик градостроительства А. Э. Гутнов высказал идею, что ведущими факторами в градостроительстве будущего (то есть в наши дни) должны стать максимальное сбережение в городах природной среды («экологический каркас города») и архитектурно-исторического наследия былых эпох. К сожалению, у нынешней коммерческой и корпоративной архитектуры всё получилось «с точностью до наоборот».

ются местами рай и ад. Более того, антиландшафты могут быть внешне вполне импозантными. «Лагерные ландшафты <...> несут на себе явную печать немецкой ментальности, со всеми свойственными ей особенностями: рациональностью, четкостью, холодностью и жёсткой последовательностью» [Гусев 2007: 184]. В «селитебном ландшафте» Освенцима можно найти даже элементы ландшафтно-архитектурного обустройства «жизненной среды». Даже будучи местами девитальными, антиландшафты не порывают с исторической традицией. Пусть это традиция извращённая, пусть это эстетика безобразного, пусть это философия человеконенавистничества, пусть это религиозный культ каннибализма – но вся эта тёмная сторона истории и человеческого характера суть неотъемлемая их часть, «горький осадок бытия». Лагерные ландшафты могут быть проанализированы и объяснены в рациональных категориях.

Ландшафтоид начинается тогда, когда ни понять, ни объяснить, ни выразить девитальное место в каких бы то ни было рациональных категориях невозможно. Ландшафтоид идёт на кардинальный разрыв с какой бы то ни было известной исторической традицией.

Рождение ландшафтоида

Ландшафтоид – это *любая имеющая объективные границы территориальная комплексность, целенаправленно лишённая человеком витальных функций и выпадающая из какой бы то ни было исторической традиции*.

Отсутствие витальных функций передаётся ландшафтоиду от антиландшафта. Выпадение же из исторической традиции – это нечто качественно новое, и оно отличает ландшафтоид от антиландшафта. Выпадение из исторической традиции – экзистенциал сегодняшнего дня, никогда ранее в истории он не определял ход общественного бытия в целом. «Я создаю мёртвое время, погрязая в удушьё надвигающегося будущего», – так образно характеризует его Эмиль-Мишель Чоран в статье «Выпасть из времени» [Чоран 2007: 123]. «История приостановлена, или даже кончена как *смысл*, как направленная телеологическая стезя <...> У истории больше *нет* цели и задачи, и отныне она не детерминирована ни индивидом (общим или родовым), ни автономной личностью <...> История уже не может быть представлена (используя термин Лиотара) в виде “большого нарратива” о некой грандиозной коллективной судьбе человечества» [Нанси 2009: 170-171]. Именно в ситуации «выпадения из времени» и формируется ландшафтоид.

Каждый своеобразный отрезок истории рождает в географической оболочке нечто новое. Своеобразие нынешнего её витка в том, что ранее для разных прихотей и капризов исторического процесса было место и были ресурсы; сейчас же мест нет и ресурсы на исходе. В этой новой ситуации и рождается ландшафтоид; Утверждение о том, что это новый феномен географии – не преувеличение и не умышленное «сгущение красок». Вероятно, с этим постулатом не просто согласиться – ландшафтоиды молоды, далеко не всегда ясно выражены, пока ещё чаще проявляют себя как тенденции и потенции, нежели как состоявшиеся факты. Чтобы облегчить понимание новизны этого феномена, несколько сузим его смысл и приведём примеры.

Одной из форм выпадения из традиции (например, по П. Фейерабенду или М. Хоркхаймеру) служит рационализм, логичность – то, что мы называем объективным. С учётом этого «узкое» определение ландшафтоида можно сформулировать так: *это любая имеющая объективные границы территориальная комплексность, которая целенаправленно лишена человеком витальных функций и не может быть субъективно репрезентирована в каких бы то ни было рациональных и логических категориях*. В ландшафтоиде отсутствует то, что мы обозначаем понятиями логичности, рациональности, объективности.

Мы подчеркиваем, что такое определение ландшафтоида сужено. Существуют ландшафты, целиком и полностью находящиеся в русле исторических традиций, но полностью субъективные, исполненные иррационального момента, тайны и загадки. Это ландшафты –

произведения искусства (архитектуры, градостроительства и ландшафтной архитектуры), ассоциативные ландшафты, сакральные ландшафты. Однако – и вот здесь «в игру» вступает условие девитализации – эти ландшафты имеют глубочайший витальный потенциал, хотя формальная логика в них может и отсутствовать. Ландшафтоид же и авитален, и алогичен.

Исходя из суженного понимания ландшафтоида проанализируем три примера того, как они формируются.

Самым простым и понятным примером ландшафтоида на сегодняшний день может служить **свалка** (*паразитический ландшафт*), но свалка не простая, а возникающая в решающей мере под влиянием технологического бескультурья.

Традиционная свалка как типичный акультурный (паразитический) ландшафт возникает в силу объективной необходимости: всё должно куда-то деваться, согласно Б. Коммонеру, а технологические средства переработки отходов человеческой жизнедеятельности всегда отставали от технологий производства новых предметов и материалов. Отстают они и сегодня, будут отставать и в будущем. Поэтому такая свалка – проблема техническая, технологическая, инженерная. Хотя она и девитальный объект, свою логику традиционная свалка имеет. Хотя она и неприятна, но рациональна.

Ситуация усложняется тогда, когда мусор не складывается целенаправленно в силу технологической необходимости, а сваливается где ни попадя в силу экономических причин. Это характерно для сёл, посёлков, местечек. Такие стихийные свалки уже несут на себе сильную печать иррациональности и субъективности, но и они ещё объяснимы рационально: нет у нищих селян (а сегодня большинство селян – нищие) денег для того, чтобы отвезти мусор на полигон. Ситуация ещё более иррационализируется, когда деньги-то то на вывоз мусора есть, но из-за «экономии», его не везут на полигон, а сбрасывают в соседней роще или овраге. Это характерно для мелкого и среднего бизнеса на периферии населённых мест. В основе такой «экономичности» лежит обыкновенная жадность; от акультурного ландшафта переходим к ландшафтоиду.

Во всей же своей «красе» последний восстаёт тогда, когда и деньги на удаление мусора тратить не надо, и технически это не представляет труда – но мусор выбрасывается, например, на лесную поляну после пикника, на берег реки после рыбалки, на городскую площадь после очередного шоу. Пусть эти кучки мусора ещё невелики или временны – но их уже очень много (особенно в пригородных лесах и на пляжах), и они имеют тенденцию стремительно разрастаться. Наконец, что принципиально, их генезис – абсолютно психологический, здесь нет технологической невозможности или экономической сложности; это результат технологического бескультурья. Значит, это уже полноценный ландшафтоид, пусть *пока* и маленький по размерам.

Второй пример – более сложный и драматичный. Назовём его **авитальным населённым местом**. Это место, где человек не растёт и развивается, а деградирует и относительно быстро умирает независимо от возраста. При этом это обитаемое место (назвать селитебным ландшафтом его язык не поворачивается) создаётся не как лагерный ландшафт – по плану и согласно бесчеловечной логике войны, классового или этнического насилия, – а возникает спонтанно, как результат «социального замусоривания общества». Называются такие места по-разному – трущобы и фавелы, «районы, куда не хотят ездить таксисты» и «шанхай», деревни алкоголиков и кварталы наркоманов. Их экзистенциальная суть одинакова: это места постепенной смерти.

На первый взгляд, они почти совпадают с антиландшафтами. В социально-историческом и социально-географическом контексте они также не новы и имеют чёткую и однозначную связь с господствующей исторической традицией – классовым насилием. Однако сегодня эти места приобретают новые качества, позволяющие говорить о тенденции трансформироваться в ландшафтоиды. Процессы и явления, обуславливающие эти новые качества трущоб, не бросаются в глаза, но их можно идентифицировать. Это, например, рек-

лама алкоголя; качественный рост наркомании, получившей импозантное деловое наименование наркобизнеса; сексуализация современного общественного бытия, ставшая с помощью массовой культуры уже «секс-индустрией» и даже «сферой эскорт-услуг». Все эти явления в истории были, конечно, и раньше, но сегодня их количество переросло в качество. В некоторых ситуациях полный разрыв с логикой процессов, приводящих к формированию социального мусора, становится уже вполне очевидным и даже банальным. Привычным стало дикое и циничное, на наш взгляд, использование образов культуры и спорта алкогольной и табачной индустрией – даже гладиаторские бои бледнеют на этом фоне.

Массовая культура, взятая сегодня на вооружение производителями алкоголя и сутенёрами («секс-индустрия»), завтра будет задействована торговцами наркотиками и оружием. Это ведёт к ускоренному социальному замусориванию общества, и этот «мусор» надо где-то «складировать». На историческом горизонте показался гигантский *селитебный ландшафтоид*.

Третий пример тенденции превращения ландшафта в ландшафтоид – это автомобильные дороги, т.е. **ландшафт автотранспортный** как одна из разновидностей техногенного ландшафта.

Девитализация автотранспортного ландшафта стала уже банальностью, статистика аварий со смертельным исходом напоминает военные сводки. Апологеты автомобильного рынка утверждают, что если усилить дисциплину водителей и меры безопасности, увеличить штрафы, улучшить состояние дорог, то аварийность сойдёт на нет. Увы, этого не произойдет. Специалистами в области философии техники и архитектуры (например, Полем Вилирьо) показано, что поломки и техногенные катастрофы – имманентное свойство любых инженерных объектов, машин и механизмов.

Может быть, девитализация автотранспортного ландшафта это неизбежная плата за комфорт и удобство движения, за древнюю традицию выезда и ускоренного перемещения? Об этом можно поразмышлять, часами стоя в многокилометровой автомобильной пробке...

Количество пробок на дорогах и количество автокатастроф снижаться не будут. Места для количества машин, подобному численности населения, на Земле просто нет. Добавим сюда выхлопные газы; коррупцию на дорогах; время, выброшенное на автосервис; цены на бензин; проблемы с парковкой – и мы придём к выводу о том, что функциональная логика автотранспортного ландшафта тает на глазах. Многим «автомобилистам» машина, в сущности, объективно и не нужна – они стремятся к обладанию ею как фетишем, символом, знаком, под воздействием массовой культуры.

Мы полагаем, что процессы девитализации автотранспортного ландшафта и утраты им своей исторически рациональной сущности свидетельствуют о том, что этот вид техногенного ландшафта уже сегодня имеет явную тенденцию трансформироваться в ландшафтоид.

Аналогичную цепочку рассуждений сегодня можно применить и для других разновидностей техногенных ландшафтов, хотя текущие процессы девитализации и иррационализации здесь могут быть выражены в меньших размерах. Коль скоро исторических предпосылок к слову тенденции *ландшафтоидизации* всех техногенных ландшафтов не видно, конечным пунктом «эволюции» техногенного ландшафта современности будет ландшафтоид.

* * *

Концепция ландшафтоида выходит за пределы традиционной проблемы экологии, геоэкологии, экологии ландшафта. Глубинные причины, вызывающие к жизни ландшафтоиды, – идеальные и иррациональные в той мере, в какой иррациональный компонент присутствует в истории в целом и в духовной культуре, в частности. Материальными здесь выступают только форма, техника и механика рождения феномена ландшафтоида, поэтому никакие геоэкологические или даже «социогеоэкологические» подходы на область этой концепции, по нашему мнению, не распространяются.

Концепция ландшафтоида также не укладывается в рамки культурной/гуманитарной географии – по крайней мере, пока она тщательно обходит «острые углы» классового понимания общественного бытия и сознания. Не вкладывается концепция ландшафтоида и в теорию антропогенного ландшафтоведения (хотя именно она, как нам кажется, формально наиболее близка ей).

Парадигмой, в русле которой возможны решения проблемы ландшафтоида, нам видится *радикальная география*. Именно в её эпистемологическом и методическом поле следует искать географические ответы на вопрос о том, что нужно делать, чтобы ландшафтная сфера нашей планеты не превратилась в *сферу ландшафтоидную* (термин впервые в частной переписке с нами употреблён В.Н. Калущковым).

Вопрос «Кто виноват?» мы в первом приближении сформулировали. Далее следует вторая часть вечного вопроса интеллигенции: «Что делать?». Для научного сообщества географов поиск ответа на него лежит в плоскости радикальной географии. Эта тема, впрочем, уже выходит за рамки настоящей статьи.

Литература

Гусев Ю.П. «Культурный ландшафт» XX века: «Без судьбы» Имре Кертеса // Ландшафты культуры. Славянский мир / Отв. ред. И.И. Свирида. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 176-188.

Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. ст. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

Кляйн Н. No Logo. Люди против брэндов. М.: Хорошая книга, 2003.

Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994.

Нанси Ж.-Л. Непроизводимое сообщество. М.: Водолей, 2009.

Тютюнник Ю.Г. От культурного ландшафта к ландшафтоиду // Теория и практика планирования культурного ландшафта. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. С. 25-32.

Хоркхаймер М., Адорно В.Т. Диалектика Просвещения: Философские фрагменты. М.-СПб.: Медиум; Ювента, 1997.

Чоран Э.-М. Выпасть из времени // Апокалипсис смысла: Сб. работ западных философов XX-XXI вв. М.: Алгоритм, 2007. С. 123-132.